ПОПЕЧИТЕЛЬ ОКРУГА МУСИНЪ-ПУШКИНЪ.

Изъ пережитаго.

1848 г.

Когда пишущій настоящія строки былъ уже въ 7-мъ классѣ одной изъ провинціальныхъ гимназій, начальство послѣдней получило, частнымъ путемъ, увѣдомленіе, что вступившій въ должность попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ Мусинъ-Пушкинъ намѣревается выѣхать изъ столицы для осмотра означенной гимназіи. Эта вѣсть, какими-то судьбами, моментально распространилась по всему заведенію, такъ что о предстоявшемъ прибытіи его превосходительства знали одновременно не только лица начальствующія и ученики, но даже и поваръ съ прачками (при гимназіи существуетъ пансіонъ). Прошло недѣли двѣ томительнаго ожиданія, и какъ время все сглаживаетъ, то и начальство гимназіи, съ своими подчиненными вкупѣ, попривыкло къ полученной вѣсти и поослабло настроеніемъ встрѣтить пріѣздъ генерала, съ подобающими поклонами въ моментъ его появленія во входныхъ дверяхъ храма науки. Вдругъ, нежданно-негаданно, въ одно, какъ говорится, прекрасное утро, когда пишущій сіи строки сидѣлъ съ товарищами въ классѣ, занимаясь, подъ руководствомъ учителя, греческимъ языкомъ, около 10 часовъ блеснула намъ всѣмъ въ глаза, чрезъ дверныя стекла, генеральская звѣзда, и въ тотъ же моментъ, въ распахнутыя сторожемъ двери, ввалилась въ 7 классъ генеральская особа, въ вицъ-мундирѣ, со звѣздою и въ фуражкѣ. При видѣ незнакомой звѣзды, и учитель, и ученики, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, вскочили съ своихъ мѣстъ. Генералъ, снявъ, какъ бы нехотя, фуражку, привѣтствовалъ:

— «Здорово, дѣти».

— Здравія желаемъ, вашество, дружно грянули ученики.

Затѣмъ, его превосходительство усѣлось на учительскомъ мѣстѣ; учитель же остался стоять за его спиною, въ образѣ лакея. Не разрѣшивъ ученикамъ сѣсть, генералъ взглянулъ на лежавшую предъ нимъ на партѣ (столѣ) раскрытую книгу, спросилъ, не обращаясь собственно ни къ кому:

— «Чѣмъ вы занимаетесь?»

— Въ настоящій урокъ—переводомъ съ греческаго языка на русскій, послѣдовалъ докладъ учителя изъ-за спины свѣтила науки.

Въ это время явились, въ полной формѣ, директоръ съ инспекторомъ, а за ними и сторожъ—съ креслами въ рукахъ, но его превосходительство почти и не обратило на первыхъ вниманія.

— «Почему ты плохо учишься?» спросилъ генералъ одного изъ учениковъ, когда учитель доложилъ о немъ на вопросъ его превосходительства объ успѣхахъ учащихся.

— Стараюсь, вашество, но не могу успѣть, было отвѣтомъ вопрошеннаго.

— «А по какому предмету идетъ онъ лучше?» спросилъ генералъ, едва повернувъ голову въ ту сторону, гдѣ стояли, вытянувшись въ струнку, директоръ съ инспекторомъ.

— По математикѣ, едва проговорилъ послѣдній.

— «Такъ предоставить ему заниматься, вмѣсто греческаго языка, математикою», порѣшилъ попечитель учебнаго округа, и тѣмъ олицетворилъ въ своей персонѣ законъ государственный.

— «Что вы проходите изъ исторіи», спросилъ попечитель насъ—учениковъ.

— Исторію Россіи, вашество, отвѣчали мы.

— «Разскажи мнѣ княженіе Ольги», обратился генералъ къ одному изъ учениковъ.

Только что ученикъ началъ отвѣчать, какъ попечитель, перебивъ его рѣчь, самъ сталъ продолжать повѣствованіе, склонясь головою надъ партою и разсматривая внутренность попавшей ему въ руки пустой новой чернильницы, которая какъ разъ стояла на столѣ у мѣста его сидѣнья. Вдругъ сторожъ ударилъ въ колоколъ, что было повѣсткою къ перемѣнѣ въ классахъ лекцій, и масса учениковъ, подобно муравьиному рою, задвигалась взадъ и впередъ по корридору, конечно, съ стукомъ каблуковъ и неизбѣжнымъ гуломъ отъ разговоровъ, въ невѣдѣніи о присутствіи попечителя округа въ 7-мъ классѣ. Какъ бы возмущенный подобнымъ шумомъ въ корридорѣ, одинъ изъ моихъ товарищей невольно повернулъ глаза къ дверямъ, но этотъ маневръ его,

къ несчастію, былъ усмотрѣнъ генераломъ. Мусинъ-Пушкинъ, какъ бы силою электричества, былъ вздернутъ моментально со стула. Онъ прыгнулъ, аки левъ, къ виновному и заоралъ въ изступленіи:

— «Какъ! ты, мальчишка, — мальчишкѣ было 20 лѣтъ, — смѣешь смотрѣть по сторонамъ, когда я, попечитель учебнаго округа, нахожусь здѣсь и разсказываю исторію?! Такъ значитъ, вы здѣсь, въ мое отсутствіе, съ учителями чрезъ парты скачете?!»

Затѣмъ, болѣе и болѣе приходя въ ярость, какъ бы подогрѣваемый горячими угольями, и брызгая на все и на вся слюнами, побѣжалъ, какъ ужаленный, къ дверямъ, съ крикомъ:

— «Директора, инспектора въ солдаты сдамъ!»

Едва, едва сторожъ успѣлъ распахнуть предъ нимъ двери, и онъ выскочилъ въ корридоръ, какъ угорѣлый—на свѣжій воздухъ. Въ эти минуты уже всѣмъ учителямъ и ученикамъ стало извѣстнымъ присутствіе попечителя округа въ стѣнахъ 7-го класса, и потому всѣ поспѣшили убраться, по добру по здорову, въ классы, ранѣе опредѣленнаго уставомъ десяти-минутнаго срока для отдыха. Летя по корридору, тайный совѣтникъ вскочилъ въ 3-й классъ, гдѣ былъ урокъ законоучителя, кандидата с.-петербургской духовной академіи,—пастыря, любимаго и уважаемаго не только учениками и начальствомъ гимназіи, но и всѣми гражданами безъ исключенія. Съ появленіемъ попечителя въ дверяхъ 3-го класса, законоучитель всталъ и почтительно поклонился, а Мусинъ-Пушкинъ, едва кивнувъ головою въ отвѣтъ, усѣлся на стулѣ преподавателя. Въ этомъ случаѣ, стоявшій пастырь церкви на вытяжку предъ тайнымъ совѣтникомъ, наглядно для учениковъ, изображалъ собою строеваго солдата, тянущагося во фрунтъ предъ лицомъ генерала.

— «Скажи мнѣ пятую заповѣдь», обратился попечитель къ одному изъ лѣнивыхъ учениковъ, сидѣвшихъ за задней, т. е. послѣдней, партой. Естественно, тотъ замялся, и языкомъ—ни съ мѣста.

— «Такъ такъ-то знаютъ у тебя ученики законъ Божій?» загремѣлъ попечитель, обращая свой дерзкій вопросъ къ законоучителю.

— Этотъ ученикъ изъ числа слабыхъ, и о заповѣдяхъ положено проходить въ 4-мъ классѣ, но, во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, что и здѣсь найдутся ученики, которые могутъ отвѣтить на предложенный вашествомъ вопросъ, осмѣлился доложить пастырь церкви тайному совѣтнику.

— «Такъ ты сталъ еще разсуждать?» заревѣлъ попечитель округа, вскочивъ со стула, «я про тебя Антонію скажу»,—бывшему въ то время с.-петербургскому митрополиту—«такъ ты знаешь, куда улетишь?!»

Законоучитель побѣлѣлъ, но на ревъ тигра остался безмолвнымъ, и тайный совѣтникъ, какъ бы ошпаренный, выскочилъ изъ класса, и

для охлажденія своей головы покатилъ осматривать достопримѣчательности монастыря, стоящаго въ 3-хъ верстахъ отъ города. Во время обѣда пансіонеровъ, Мусинъ-Пушкинъ явился въ столовую и, отвѣдавъ супу и квасу, произнесъ:

— «Кушанья, быть можетъ, приготовлены хорошо въ часы моего пребыванія здѣсь, но квасъ, должно быть, у васъ всегда хорошъ».

Онъ не зналъ того, что въ супъ, по случаю пріѣзда ревизора, подбавили скоромнаго масла и всыпали петрушечнаго листа, а квасъ, нарочно сваренный на случай пріѣзда начальника, въ количествѣ только 2-хъ ведеръ, стоялъ на ледникѣ, со дня полученной повѣстки изъ столицы о намѣреніи Мусина-Пушкина ѣхать на ревизію нашей гимназіи.

И. Ф. Радзиковскій.

С.-П.-Б. Іюня 1886 г.